

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

Оксана Бондаренко

Оксана Бондаренко

Золотая птица

«Автор»

2025

Бондаренко О.

Золотая птица / О. Бондаренко — «Автор», 2025

Дима Агафонов – талантливый детский хирург, прекрасный муж и отец. Но, получив внезапное повышение по службе, ему приходится жертвовать всем – временем, семьёй, личным счастьем. Всё это приходится не по душе его супруге Кате. Ей настолько обидно за себя и за сына, что девушка решает уехать вместе с мальчиком в другую страну. Там она знакомится с обаятельным ирландцем Джонатаном, с которым у Кати много общего. Герои становятся перед выбором – пойти по простому пути и довериться чему-то новому или же пытаться сохранить свой брак. Но сможет ли он выдержать испытание расстоянием, обидами и чужими чувствами? «Золотая птица» – это история о любви, преданности и сложном выборе. О том, как легко разрушить отношения, которые строились годами, и как трудно их восстановить. О врачах, которые спасают чужие жизни, но порой не в силах спасти свои собственные. И о том, что иногда, чтобы удержать самое дорогое, нужно просто отпустить.

© Бондаренко О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I. Дима	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Оксана Бондаренко
Золотая птица

Оксана Бондаренко
ЗОЛОТАЯ
ПТИЦА

Вместо предисловия

«Не было бы счастья, да несчастье помогло». В детстве меня эта пословица всегда вводила в ступор. Как это? Разве горе может сделать кого-то счастливым? Но по мере взросления я и в своей жизни начала замечать, что некоторые сложные ситуации в итоге приводили к положительному исходу – результатам, выводам, иногда просто полезному опыту.

Так случилось и в больнице, где я провела со своим полуторагодовалым сыном десять дней. Для меня это был один из самых тяжёлых периодов в моей жизни. Я никогда не забуду утро, когда моего кроху отняли у меня и понесли в операционную на руках, а он смотрел на меня испуганными глазами, не понимая, что происходит. Я никогда не забуду момент, когда через несколько часов его привезли привязанного бинтами к кушетке. Малыш был ещё под действием наркоза и стонал, а из крохотного тела торчало одновременно пять различных катетеров. Я никогда не забуду последующие несколько дней, когда мой обычно бодрый и весёлый мальчик, не вставал с кровати, ничего не хотел и только смотрел на меня угрюмым взглядом.

Мне говорили, что я сильная, ведь за все десять дней я ни разу не расплакалась. Они просто не видели, как отвернувшись в нашей палате лицом к стене, я в отчаянии кусаю губы.

Зато пока мы с сыном пребывали в больничном «заточении», каких только людей я не встретила, каких историй не наслушалась. Каждый день я видела врачей и медсестёр за их работой. Далёкий и непонятный мир детской хирургии был у меня на расстоянии вытянутой руки. Мне как будто дали немножко подсмотреть как живут врачи. Помимо персонала я познакомилась со множеством других мам, слушала их рассказы – смешные, грустные и такие, которые заставляли восхищаться человеческой силой воли и духом.

Чтобы не сойти с ума и хоть как-то облегчить свои будни, я открыла телефон и начала печатать туда всё подряд – свои впечатления, свои наблюдения и услышанные истории. В итоге всё это так тесно переплелось между собой, что получилось одно большое произведение. В нём выдумано только процентов десять, всё остальное это настоящие события. Даже герои «срисованы» с реальных людей, у каждого есть свой прототип, который я встретила в больничных стенах.

Выходит, не случись с нами больницы, у меня бы не было такого материала, и эта книга не появилась бы на свет. Но знаете, читателям пожелаю всё-таки не попадать в больницы – ни во взрослые, ни в детские. Здоровья вам и вашим близким.

Часть I. Дима

Глава 1

«Так, как она там написала? Три зелёных, два синих и ещё три... Блин, забыл. Интересно, а в виде динозавра можно найти? Хотя, нет. Шарик, в виде динозавра? Фигня какая-то. Но Сашка бы точно оценил».

«Звяк-звяк-звяк», – отвлекло Диму от мыслей бряцанье использованных инструментов об медицинский поднос. Это медсёстры уже начали убирать помещение после очередной операции. Он же машинальным движением снял окровавленные перчатки и одноразовый халат, подошёл к раковине вымыть руки, поднял глаза на часы. Стрелки показывали всего лишь начало третьего.

«А может заехать в книжный, да посмотреть какую-нибудь красочную энциклопедию? На кой чёрт ему эти шарики, большой парень уже!» – с этими мыслями Дима поспешил из операционной к себе в кабинет. У его сына сегодня был день рождения и ему очень хотелось порадовать мальчишку чем-то необычным. Хотя бы тем, что папа вернётся с работы вовремя.

Дима Агафонов работал детским абдоминальным хирургом в местной больнице. Его врачебная карьера развивалась очень стремительно. Правда, он сам не раз задавал себе вопрос, благодаря чему это произошло – таланту или стечению обстоятельств?

Когда заканчивал школу, сомнений о том, чтобы идти в медицину не оставалось. Отец был неврологом, мать – педиатром. Он вырос в окружении толстенных врачебных энциклопедий, наглаженных халатов и запаха лекарств. Семью Димы знали и уважали все в городе, поэтому самым пылким желанием его юности было продолжить благородную врачебную династию. Юноша без труда поступил в столичный медицинский ВУЗ. Ради заветной профессии ему на десять лет пришлось покинуть стены родного дома. Сначала шесть лет на дневном факультете, потом два года ординатуры и ещё два года практики в одной из бюджетных больниц. Он бы мог продолжать и дальше строить карьеру в большом городе, но обстоятельства сложились иначе. Отец сильно начал сдавать по здоровью, поэтому молодой врач был вынужден вернуться в родной город. Но нельзя сказать, что Диму сильно это расстроило. Жизнь в столице всегда была ему не по нраву – много шума, суеты. Москва отнимала уйму энергии и сил, а в профессии врача это были ключевые вещи. Вдобавок ко всему, вернулся он не один, а с новоиспечённой супругой.

С Катей они познакомились, когда Дима сдавал выпускные экзамены. Будущая жена тогда была только на «экваторе» своего обучения на дизайнера. Их роман сначала был лёгким и ни к чему не обязывающим. Оба были погружены в учёбу и работу, поэтому совместно проведённое время скорее казалось некой разновидностью отдыха, способом отвлечься от трудовых будней. Общие знакомые говорили, что «эти двое не пробудут долго вместе, хотя пара из них вышла бы неплохая». Дима был невысокого роста и среднего телосложения. Тёмно-русые волосы обрамляли открытое лицо с тонкими чертами лица и голубыми глазами. Приятная внешность, благородная профессия в совокупности со скромностью и серьёзностью, делали его особым объектом внимания девушек. Но как не старались сокурсницы охмурить симпатичного будущего хирурга, все попытки были тщетны. Со всеми парень общался хорошо и по-дружески, но держал дистанцию. Друзья подшучивали над ним и делали ставки, какой же

должна быть девчонка, которая покорит его сердце. К их удивлению, его выбор пал на Катю, хотя внешне она ничем особенным не отличалась от остальных его поклонниц. Ростом с Диму, с пышным каре светлых волос и огромными ярко-зелёными глазами, которые же с первого же дня их знакомства, смотрели на парня с восхищением и неподдельным вниманием. В отличие от своего избранника, Катя была весёлой, энергичной и лёгкой на подъём. Возможно, именно поэтому ею заинтересовался будущий врач, ведь самому ему этих качеств как раз и не доставало. Диму покорила в девушке эта взбалмошность и прямолинейность, Катя же наоборот очень ценила Димину рассудительность и спокойствие. Он был старше её на несколько лет, поэтому она в нём видела некий образец профессионала в своём деле и просто хорошего человека, к которому нужно стремиться.

Несмотря на эти различия, оба потом заметили, что у них много общего. Им было хорошо вместе, поэтому расставаться по окончании очередных выходных становилось всё сложнее. Следующий этап у них начался с зубной щётки, которую Дима как-то забыл в Катиной квартире. Вслед за щёткой на ванной полке, среди изящных косметических баночек девушки, появился солидный станок для бритья и одеколон. Когда Дима притащил с собой запасной комплект медформы со словами – «На всякий случай пусть будет и тут», Катя не выдержала и предложила съехаться.

Ребята уже всю готовились к скромной свадьбе и большому путешествию, когда от матери Димы начали поступать тревожные звонки с робкими вопросами о возможности вернуться. К тому же, в их местную детскую больницу требовался хирург, а зная Агафонову младшего и всю его семью, не оставалось никаких сомнений, что мужчину примут на эту должность с распростёртыми объятиями. Но Дима сомневался. С одной стороны, он уже начал обустраивать свою семейную жизнь здесь, в Москве, и наработал кое-какую практику, с другой стороны понимал, что жить в столице ему не нравится, да и в провинциальном стационаре опыта можно набраться больше и быстрее. Это здесь, в мегаполисе, ему ещё несколько лет придётся быть в ролях третьего хирурга и выполнять самые простые манипуляции, а в маленьком городе выбирать не приходится, хороших специалистов мало. И уж тем более тех, кто работает с детьми.

Сделать непростой выбор помогла Катя, завив, что за Димой готова ехать куда угодно. Работа дизайнера позволяла работать удалённо из любой точки мира, а сдача квартиры, подаренной ей когда-то родителями, давала и пассивный доход и чувство финансовой безопасности.

Словно в подтверждение серьёзности своих чувств, почти сразу после переезда Катя забеременела и подарила мужу сына Сашку. С малых лет мальчик был окружен помимо любви, ещё и внимательной опекой. Бабушка-педиатр не дарила конфет и как могла укрепляла здоровье внука. Катя же начала увлекаться методиками раннего развития, а полученные знания сразу тестировать на собственном ребёнке. Возможно поэтому мальчишка и вырос смышлённым, бойким и любознательным. Дима видел в Саше продолжение себя и своего отца и был уверен, что сын унаследует любовь к медицине. Но пока что мальчик проявлял интерес к различным опытам и динозаврам. Сидя за своим пока ещё игрушечным микроскопом, мальчик всерьёз уверял отца, что намерен стать учёным и изобрести лекарство от всех болезней. Дима по-доброму смеялся, но в душе чувствовал, что сын, похоже, переплюнет его самого.

У Агафоновой, в его родном городе, жизнь складывалась хорошо. Как он и предполагал, практики в провинциальном стационаре было больше, работу он любил и относился к ней ответственно, за что очень быстро приобрел популярность и авторитет у всех местных жителей. С деньгами тоже проблем не было. К тому же, ему довелось работать под руководством талантливейшего врача и просто мудрого человека. Заведующий детским отделением хирургии Кондратьев Владимир Павлович с первого дня их знакомства стал для Димы не столько начальником, сколько наставником и примером для подражания. Он оперировал уже тридцать лет, а количество спасённых им жизней давно перевалило за тысячу. Старший хирург очень

быстро разглядел потенциал в своём новом коллеге и вскоре стал брать Диму на самые сложные операции, доверяя делать некоторые непростые манипуляции под своим чутким наблюдением. В московской больнице молодой врач о таком и мечтать не мог. Помимо своего высочайшего профессионализма, Владимир Павлович сразу расположил к себе Диму и своими простыми человеческими качествами. Несмотря на солидный возраст, мужчина поражал своей живостью ума и энергичностью.

Кондратьев ушёл из жизни неожиданно для всех. Это был день, который уверенной чертой разделил всю жизнь молодого хирурга на «до» и «после». День, с которого начался его невероятный взлёт и одновременно крутое падение вниз.

То утро, когда ему позвонили из больницы и сообщили, что Владимир Павлович скоропостижно скончался от инфаркта миокарда, он запомнил в мелочах. Помнил, как ещё неподвижно стоял, глядя в одну точку минут пять, не веря услышанному, как его потом обняла Катя, как потерянный добрался до работы и вошёл в больницу. Но долго пребывать в состоянии шока ему не дали. Едва Дима зашёл в своё отделение, его на пороге встретил главврач, Жданов Алексей Юрьевич, и сообщил, что с сегодняшнего дня Дима становится и.о. заведующего. Все попытки мужчины возразить, что он не готов, молод и у него мало опыта, тут же встретили жёсткий отказ со стороны главврача. И не безосновательный. Хирург так и не нашёл что ответить на довод – «А кого ты мне предлагаешь назначить кроме тебя? Нет, никого, Дима, нет. Я найду нового заведующего, обещаю. Но на это нужно время. А пациенты ждать не могут. Иди работай».

И Дима работал. Много. За двоих – за себя и Владимира Павловича. Теперь на нём лежала двойная ответственность – мало того, что ему в принципе нельзя было допускать ошибок, так теперь, в память о своём медицинском кумире, он старался делать всё на том же высоком уровне. Постепенно Дима свыкся с новой ролью, благо что на подхвате всегда было ещё два младших хирурга – Стас Новиков и Виталий Данченко – достаточно толковых ребят, но менее опытных. Поэтому все решения приходилось принимать Диме, большинство манипуляций тоже делать самому. То, что хирургия – это командная работа, он почувствовал на себе почти сразу. При жизни Владимира Павловича система была налажена – был график дежурств, в операциях была очерёдность. И как только одного звена не стало, вся цепочка разрушилась. Теперь Дима нёс двойную нагрузку, что не могло не сказаться и на качестве его жизни – он всё позднее стал возвращаться домой, почти не бывало такого выходного, чтобы его не вызвали в больницу, а об отпуске можно было даже не мечтать.

Врач целиком и полностью стал отдавать свою жизнь работе. И это конечно же начало отражаться в семье. Поначалу Катя всё понимала и принимала, и даже гордилась за оказанное мужу доверие. Но шли недели, потом месяцы, а новый заведующий не находился. При этом, время, проведённое Димой со своими близкими, уже начало исчисляться не в днях, а в часах. Да и то, из этих совместных часов Дима часто в мыслях был где-то у себя в кабинете или операционной, но никак не за столиком в кафе, куда они пришли втроём в воскресенье. Катя терпела молча. И это стоило ей огромных усилий, потому что по характеру она была из тех девушек, про которых говорят: «Этой палец в рот не клади, всю руку откусит». Она предпочитала сразу говорить вслух, что думает, а проблемы решать быстро. Когда она получала очередное: «Извини, сегодня задержусь» от мужа, внутри неё будто что-то разгоралось. Сначала это было жжение от недовольства, потом закипала смесь от обиды и злости, а спустя несколько месяцев таких сообщений ей стало казаться, что полыхающей внутри неё яростью можно испепелить всё отделение детской хирургии, больницу, и городок в целом. Тем не менее, она ничего не писала в ответ, а просто ждала мужа дома, чтобы выплеснуть весь этот шквал эмоций. Но когда через несколько часов, в квартиру тихонько, боясь разбудить Сашу, заходил падающий от усталости Дима, Катя ничего не могла сказать. При виде супруга, она начинала себя корить за свой негатив, снова возвращалась к мыслям, что нельзя ругаться из-за работы, пыталась

убедить себя, что так будет не всегда, и молча шла разогревать давно остывший ужин. Так, пожар внутри неё как-то сам по себе затухал. Но где-то глубоко внутри оставались тлеющие угли, готовые разгореться при первом же порыве ветра. Когда этот ветер задует, было лишь вопросом времени.

Сегодня, в день рождения Саши, Диме несказанно повезло. Последнюю операцию он закончил в два, потом сделал обход, немного посидел над бумагами, и начал собираться домой в пять вечера. Ещё утром он пообещал сыну, что сегодня вернётся пораньше, чтобы в кругу семьи вручить подарок и отметить праздник. В приподнятом настроении мужчина переоделся, надел куртку и уже перед выходом из кабинета достал телефон, чтобы ещё раз прочитать, какие именно шарики просила купить Катя. В этот момент в дверь постучали.

– Дмитрий Игоревич, там мальчика на скорой привезли, экстренный случай, – не дожидаясь приглашения, в кабинет заглянула медсестра Светочка.

Для пациентов она была Светланой Александровной Скворцовой, но всё отделение хирургии прозвало её Светочкой, как только она появилась в стенах больницы. В первую очередь, из-за возраста. Среди остального персонала она была младше всех и только окончила медицинский колледж. Во-вторых, из-за милого личика и детского добродушия. Маленькие пациенты любили её больше всего. Светочка к каждому находила подход, успокаивала от уколов и устраивала кукольные мини-спектакли из бинтов перед перевязкой. Только к одному человеку девушка так и не смогла найти подход – к своему прямому начальнику. Поначалу Агафонов не воспринимал всерьёз то, какими восторженными глазами смотрела на него медсестра. Он к таким взглядам давно привык, да и у Светочки это было первым местом работы. Ощущение собственной важности, причастность к большому и сложному миру хирургии – Дима и сам когда-то таким был, носился по коридорам за врачам чуть ли не с щенячьим восторгом. Только вот время шло, Светочка к работе по привыкла, а смотреть на врача с широко распахнутыми глазами и порозовевшими щёчками не перестала. Агафонов про себя только усмехался и старательно делал вид, что ничего не замечает.

Сейчас лицо медсестры было взволнованным. Но Дима был настолько погружен в свои мысли, что не придавал этому значения.

Врач вернул обратно на вешалку только что снятую куртку, в сердцах проклиная день, когда решил стать хирургом.

– Дима! – Светочка перешла на менее формальный тон. – Я говорю случай экстренный, ты чего стоишь?

– Да какой случай у нас не экстренный, Свет? – раздражённо спросил Агафонов. Но, встретив изумлённый взгляд медсестры, поспешил добавить. – Сейчас переоденусь и иду. Расскажи пока, что там случилось.

Врач задвинул ширму, а Светочка начала вслух читать информацию, которую уже успела записать в карту со слов фельдшера скорой помощи.

– Мальчик, восемь лет. Селиванов Никита. ДТП. Тридцать минут назад забрали с перекрёстка на Ленина и Озёрской.

– Твою ж...! – выругался из-за ширмы Дима, – Почему именно сегодня? ДТП – это автоматически минимум часа два!

– Что? – переспросила медсестра.

– Ничего, продолжай.

– Доставлен в отделение с тупой травмой живота, ЗЧМТ¹, закрытый перелом левой голени.

«Хороший из меня выходит отец, ничего не скажешь, уже который раз не могу сдержать обещание. Ладно, вырастет – поймёт», – подумал про себя врач.

– В какой палате? – коротко спросил он, выйдя из-за ширмы.

Круглые глаза Светочки смотрели на Диму с удивлением и непониманием.

– В операционной уже, говорю же, случай экстренный.

В сопровождении медсестры Дима вышел из кабинета. В холле он сразу увидел маму Никиты. Ему даже не требовалось официальное знакомство, чтобы это понять. За свою карьеру Агафонов видел немало родителей, поэтому уже привык не обращать внимания на полные страха и волнения глаза, на дрожащие и заламывающиеся руки, на нервную быструю походку взад-вперёд. Но при первом же взгляде на Селиванову, стало ясно что дело плохо. Её глаза опухли от слез. Обняв себя за плечи, она покачивалась на одном месте и пустым взглядом смотрела в одну точку.

– В двух словах и быстро – что произошло? – обратился к ней Агафонов, нажимая одновременно кнопку лифта.

К его удивлению, женщина моментально собралась и начала отрывисто говорить:

– Сбила машина, на перекрёстке. Шёл с отцом за руку. На зелёный. Удар пришёлся на Никиту, он упал на мужа. Я всё видела, на другой стороне их ждала. Скорая, полиция, вот мы здесь.

– Хорошо, спасибо, – кивнул Дима и вошёл в лифт.

В операционной уже кипела работа – анестезиолог занимался наркозом, суетились медсёстры. Одна из них сразу же подошла и надела на Агафонову одноразовый халат. Стас Новиков, второй хирург, осматривал ногу мальчика. Дима перевёл взгляд на пациента и невольно вздрогнул. Каждый раз перед входом в операционную он настраивался и, когда входил в помещение, уже не видел на столе детей – перед ним был только рабочий материал. Но сегодня впервые ему этого сделать не удалось. Слишком был расстроен оттого, что снова разочаровывает Сашу. Вдобавок ко всему, на столе лежал мальчик очень похожий на его собственного сына – такой же худощавый, с тонкими чертами лица и по-хулигански вздёрнутым носом. Только выглядел он неважно – светлые волосы перепачкались грязью и скатались на лбу, лицо было мертвенно белым, с какой-то неестественной желтизной, всё тело покрыто ссадинами и синяками, а в области живота образовалась большая гематома.

Диме увиденная картина сразу не понравилась. Он лихорадочно перебирал в уме возможные повреждения, но по внешним признакам почти был уверен в диагнозе.

«Восемь лет, как Саше. И что мне делать? Одно неверное движение и всё... А если там вообще уже ничего собрать?» – обычно деловитый и собранный, сейчас врач стоял погруженный в свои мысли и безучастно смотрел на пациента, как будто не понимая как к нему подступить.

Неизвестно, сколько бы ещё Дима пробыл в немом оцепенении, если бы не Стас.

– Дим! Дима! – позвал он своего начальника. Когда они все работали под руководством Владимира Павловича, то конечно звали друг друга просто по имени. Поэтому, несмотря на повышение Димы, до сих пор продолжали общаться на равных.

– А? Что?

– Что с тобой? Мы работать будем? Времени мало.

Последняя фраза подействовала на хирурга магически. Времени мало, это точно. Надо собраться.

– Да, да. Что с ногой?

¹ Закрытая черепно-мозговая травма

– Скорее всего трещина, не перелом.

– Уверен?

Стас помолчал секунду и обиженно добавил:

– Дмитрий Игоревич, если что, я бывший травматолог.

– Ладно, потом разберёмся. Если тем, – он кивнул головой на живот мальчика, – немедленно не заняться, то уже и нога нужна не будет.

– Я знаю, поэтому давай работать, – сказал Стас, всё ещё подозрительно смотря на своего начальника.

Дима поймал этот взгляд и ему стало неловко за свои чувства. Расстроился, что на день рождения не попадёт. Да этих дней рождений у Сани ещё впереди много будет. А вот доживёт ли Никита Селиванов до своего следующего дня рождения – большой вопрос. И решение этого вопроса сейчас напрямую зависело от хирургов. Осознав это в одну секунду, Дима наконец смог сконцентрироваться на работе.

– Готовь УЗИ, потом распорядись, чтобы подготовили кровь на переливание.

Увиденное на экране лишь подтвердило подозрение Агафонова – у мальчика была повреждена печень. От удара на ней образовались небольшие разрывы, а в одном месте небольшая часть органа была практически оторвана. Это позволяло сделать вывод ещё и о том, что у мальчика образовалось внутреннее кровоотечение.

– Ё-маё... – вынес свой вердикт Стас. – что делаем?

Дима и сам бы с удовольствием адресовал этот вопрос более опытному человеку, да некому было. Сложное решение снова пришлось принимать самому.

– Лапаротомию². Разрывы будем ушивать, а с оторванной частью... Она сильно повреждена, нет смысла оставлять. Сделаем резекцию³, потом перевязку сосудов.

– Резекцию? На печень? – переспросил тревожно Стас. – Ты уже делал подобные операции? Я понимаю, что тут не так критично. Вроде бы. Но всё-таки, часть органа отрезать.

Агафонов вздохнул. Похожие случаи в его практике были, но, во-первых, их было не так много, а во-вторых, все они выполнялись не им, а заведующими со стажем тридцать лет и более. Но других вариантов он не видел, поэтому коротко ответил.

– Да, конечно.

Стаса это успокоило.

– Ну если так, то ладно.

Четыре часа два хирурга не поднимали головы от стола. Для Димы время будто и вовсе перестало существовать. Когда всё закончилось, он на ватных ногах вышел из операционной. Ныла шея и сводило спину. Как только он переступил порог белого кабинета, внутри будто разжалась невидимая пружина. Словно кто-то все эти четыре часа крепко сжимал все его силы, концентрацию и мысли в одном твёрдом кулаке. И теперь разжал руку. Всё тело вдруг обмякло. Мужчина почувствовал, что если прямо сейчас не присядет хоть на секунду, то упадёт. Недолго думая, он сел прямо на пол, запрокинул голову назад и закрыл глаза. Больничная плитка приятно холодила затылок, двигаться не хотелось вообще. Через мгновение вышел Стас и молча сел на пол рядом. После некоторой паузы, он заговорил первым.

– Была б возможность, закурил прям здесь.

– И я, – признался Агафонов.

– Ты же не куришь?

– Значит, сегодня начну.

– Ой, лучше не надо. Хрен бросишь потом.

² Открытое хирургическое вмешательство через разрез в области живота

³ Хирургическая операция по удалению части поражённого органа

– Стас, прости, я обманул тебя, – не открывая глаз проговорил его начальник, – это была моя первая операция по резекции печени. До этого я только присутствовал на подобных манипуляциях, но никогда не делал их самостоятельно.

– Лучше бы мне этого не знать... – только вздохнул в ответ Новиков. Затем, помолчав, добавил: – Удивительный ты человек, Агафонов. Про таких как ты говорят «врач от Бога». Владимир Павлович гордился бы тобой.

– Нами. Не «тобой», а «нами». Без тебя я бы не справился.

Усталые коллеги пожали друг другу руки.

Первым, кого увидел Дима, выходя из лифта, была мама Никиты. Она сразу же вскочила с железного кресла в холле и молящим взором посмотрела на врача, ожидая новостей. Дима вздохнул, у него совершенно не осталось сил, поэтому перспектива подробно сейчас объяснять ход операции и дальнейшее лечение совершенно не радовала, но оставлять женщину в неведении было бы слишком жестоко.

– Всё хорошо прошло, правда, – поспешил заверить её хирург. Он постарался кратко изложить суть проделанной им работы и воздержаться от дальнейших прогнозов.

– Слава Богу! – произнесла женщина, выслушав внимательно весь рассказ. Казалось, что детали о последующем лечении, реабилитации её не интересовали, за что Дима был ей премного благодарен.

Врач задержал на ней взгляд. Когда он только увидел её у лифта, отправляясь на операцию, ему показалось, что она старше его, а сейчас заметил, что она, скорее всего, его ровесница. И, пожалуй, даже очень милая. Просто следы усталости и тревоги исказили её красоту.

– Вам бы не помешало отдохнуть, идите лучше домой.

– Отдохнуть? Я сегодня чуть не потеряла сына и мужа. Вы серьёзно думаете, что дома мне будет лучше? Нет, я буду здесь.

– Никита до утра точно останется в реанимации. А может быть и на несколько дней. Вам правда нет смысла здесь находится, вас всё равно туда не пустят.

– Я знаю, – ответила Селиванова, но не шевельнулась.

– Что с вашим мужем? Я так понимаю он был вместе с Никитой?

– Да. Доставлен в тяжёлом состоянии в отделение хирургии. Только во взрослое. В сознание пока не приходил.

– Сочувствую вам. Может у вас есть родственники или друзья, кто мог бы о вас позаботиться?

– Нет, мы недавно переехали. Все родные в другом конце страны.

– Понятно. Подождите здесь.

Он подошёл на пост, где сегодня дежурила Светочка. Услышав шаги, она сразу подняла голову от историй болезни.

– Ты ещё здесь? Как всё прошло?

– Нормально. Жить будет. Наверное. Могу я попросить тебя кое о чём?

– Да, конечно.

– Там в коридоре женщина. Это мама Никиты. Надо бы присмотреть за ней. Дай ей успокоительное, чай налей. Пусть у нас переночует в ординаторской.

– Хорошо. А разве так можно?

– Нет, конечно. Но ты же никому не скажешь?

Часы показывали начало двенадцатого, когда Дима тихо открыл дверь квартиры. Вслед за ним с шорохом влетела в прихожую серебристая цифра восемь, которую мужчина держал за ленточку. Дома было темно, лишь в спальне горел свет. За вечер он увидел пять пропущенных от жены, но ни одного сообщения. Впрочем, переписываться она никогда не любила, предпочитая живой разговор. В животе урчало от голода, голова раскалывалась от усталости, но всё это было ничто, по сравнению с тем чувством вины, которое он чувствовал перед Катей и Сашей. Настраиваясь на тяжёлый разговор, он зашёл в комнату. Там девушка складывала в открытый чемодан вещи. Дима растерялся от увиденного и не знал, что сказать, но тут Катя подняла глаза и удивлённо посмотрела на серебристый шарик.

– Не было зелёных. И синих тоже. Взял цифру, – пояснил мужчина.

– Ммм, спасибо. Главное – вовремя.

– Подарила подарок?

Екатерина снова перестала кидать вещи и уставилась на мужа как на умалишённого.

– Ты серьёзно? Конечно подарила. В отличие от тебя я действительно хотела сделать сыну праздник. Правда, Саша не совсем понял, зачем ему телефон, если с него даже позвонить нельзя. Пришлось раз десять сказать, что папа вот-вот приедет с работы и привезёт сим-карту.

– Блин, симка ж ещё... – Дима зажмурил глаза и хлопнул себя по лбу, вспоминая об ещё одной просьбе супруги.

– Знаешь, Агафонов, вот я почему-то даже не удивлена.

– Катя, ну я же не специально. Там очень экстренный случай был.

– Дима, да какой случай у тебя не экстренный?

Мужчина поднял вверх глаза, вспоминая, кто уже за сегодня говорил эту фразу. Тем временем Катя, не ожидая ответа на риторический вопрос, продолжала:

– Мне всё равно, что у тебя там было, и с кем, и когда. Саша ждал тебя до последнего. Он весь вечер спрашивал у меня, когда ты придёшь. Я его еле в постель загнала. Не знала, как объяснить, что папе, его бесконечные пациенты, стали дороже собственного сына и меня.

– Это не так! – горячо возразил Дима, – И ты это знаешь!

– Нет, это так! Если бы ты хоть иногда вспоминал, что у тебя помимо больницы есть ещё семья, то нашёл бы время на нас. Знаешь, иногда мне кажется, что детям, чьи родители в разводе, везёт даже больше, чем нашему Сашке. У них есть папа «выходного дня» – так они хотя бы целый день с отцом проводят. А ты у нас «папа утренний» – Саша тебя только по утрам один час и видит, пока в школу собирается.

Услышанное задело мужчину за живое. Как и любая правда, которую человек не хочет признавать.

– А что я могу сделать? Работа у меня такая! Это тебе не картинки в ноутбуке рисовать!

В глазах Кати засверкали молнии. Набрав побольше воздуха, она стальным голосом отчеканила:

– Осмелюсь тебе напомнить, что эти самые картинки кормили нас несколько месяцев, прежде чем ты здесь встал на ноги. Да и сейчас денег они приносят больше, чем сумма, которая падает тебе на карточку два раза в месяц. Если бы не родители твоих дорогих пациентов и их конверты с «благодарностями», то мои заказы были бы основным источником дохода.

– Отлично! Ну раз я такой лох, который работает до изнеможения, времени с семьёй не проводит, так ещё и денег в дом не приносит, то может ты что-то предложишь? Что мне сделать?

– Ой, да что угодно, Дим. Было бы желание. Для начала перестать страдать манией величия.

– Чего? – не поняла супруг.

– У тебя в отделении ещё два хирурга! Два! Ты думаешь без тебя они не справятся?

– Представь себе, не справятся! У них недостаточно опыта.

– Ну конечно, их в детскую больницу с улицы взяли, а ты у нас на вес золота! Они значит неоперившиеся птенчики, а ты – птица высокого полёта. Золотая птица!

– Что за ерунду ты несёшь?

– Да тебе любые слова покажутся ерундой! Ты со своей короной на голове никого не хочешь слушать! А ваш главврач? Ты хотя бы попробовал поторопить его с поиском заведующего?

– Нет. Катя, это не так просто, неужели ты не понимаешь? Чтобы найти профессионального специалиста, нужно время.

– Тогда давай вернёмся обратно, в Москву. Там точно не будет такой проблемы с кадрами, как здесь. Да и хирурги там получают достойную зарплату.

– С ума сошла? Кому я там нужен? А мои пациенты? С ними что будет?

– А почему жизнь твоих пациентов тебя волнует больше своей собственной? Ты считаешь, это нормально?

– Возможно, потому что я эти жизни спасаю, Катя.

По его мнению, разговор был окончен. Он хотел было уйти, но повернулся, чтобы добавить:

– И кстати, ты сама согласилась приехать сюда со мной. Никто тебя не заставлял. Должна была знать, на что идёшь.

– Яехала сюда за мужчиной, которого люблю. Которым гордилась и восхищалась. А получила человека, который и вовсе забыл о моём существовании. Так что мне тогда здесь делать?

– Ну и езжай куда хочешь. Саша остаётся.

– Ага, конечно. Смешная шутка. Я оценила.

Глава 2

Когда на следующее утро Дима открыл глаза, первое, что он почувствовал, была ноющая боль во всём теле. Как будто накануне кто-то хорошенько лупил его палками. Он тут же закрыл глаза обратно, пытаясь вспомнить подробности прошлого дня и понять, кто его так отдубасил и за что. В голове начали всплывать обрывки воспоминаний. Вроде никакой драки не было. Вот Сашка улыбается и собирает в школу конфеты, чтобы угостить одноклассников в честь дня рождения. Потом работа. И мальчик с тупой травмой живота. Никита да, точно. Интересно, как он там? Мужчина снова открыл глаза и, щурясь, повернулся в сторону окна. Сквозь шторы в комнату просачивалось солнце. Судя по его яркому свету, утро наступило уже давно. Дима потянулся за телефоном и, увидев время на экране, резким рывком сел в постели. Часы показывали начало первого. Он беспробудно проспал двенадцать часов. И самое удивительное, что сегодня ему вообще позволили это сделать – не было ни пропущенных звонков, ни срочных вызовов посреди ночи. Вообще ничего. Раз день начинается так удачно, может такая тенденция сохранится, и они смогут ещё раз отметить день рождения Саши? Теперь уже втроём. Агафонов ещё не успел толком обрадоваться этой перспективе, как коварное сознание уже подкинуло следующую стопку воспоминаний вчерашнего дня. Катя... Не может быть. По спине у Димы пробежал неприятный холодок. Он вскочил с постели, подбежал к шкафу и распахнул дверцы. Компанию его заботливо наглаженным Катей рубашкам составляли пустые вешалки и одиноко висящий Катин зимний пуховик. Он метнулся в комнату к Саше, но и там картина была безрадостная – не были раскиданы игрушки, с полки исчезли все динозаврики, а в шкафу также болтались без дела пустые вешалки.

Нервной походкой Дима заходил по комнате и взъерошил себе волосы. Ситуация достойная анекдота – он просто проспал момент, когда от него ушла жена и ребёнок. В прямом смысле. Хотя и в переносном, пожалуй, тоже.

Первым порывом Агафопова было позвонить, разузнать, поговорить, найти и вернуть. Он уже даже занёс палец над именем Кати в списке контактов, но передумал. Слишком хорошо знает свою супругу. Не ответит. Не вернётся. По крайней мере, не сегодня.

Находиться одному дома было невыносимо. Ещё, и, как назло, день выдался солнечный и тёплый, несмотря на конец октября. Мужчина вышел прогуляться. Но и на улице легче не стало. Тут и там он встречал семьи, которые вышли вместе насладиться одним из последних тёплых дней перед ноябрьскими холодами. Кто-то с коляской, кто-то на велосипедах, кто-то с мячом под мышкой и собакой на поводке. Простые радости, обычное человеческое счастье, которое ещё вчера казалось самым собой разумеющимся, сегодня стало недоступно. Дима развернулся и зашагал в сторону дома. Он взял ключи от машины и направился туда, где его всегда ждали – на работу, в больницу.

Никита Селиванов всё ещё находился в реанимации. Однако со слов дежурного врача ночь прошла спокойно, гемодинамика была стабильна⁴, температура в норме. Организм мальчика пережил большой стресс и теперь, когда угрозы жизни не было, просто спал, набираясь сил. Удовлетворённый увиденным, Агафонов вышел в коридор, где столкнулся с третьим хирургом – Виталием Данченко.

– Дима! Привет! А ты чего здесь? – голос коллеги был бодрым и весёлым. Да и сам Виталик выглядел свежим и отдохнувшим. Как будто это он, а не его начальник, только что проспал половину суток.

– Да так. Нужно было заехать, проверить кое-что.

⁴ Медицинский термин, используемый для описания стабильного кровотока. Если человек гемодинамически стабилен, это означает, что у него работающее сердце и хорошая циркуляция крови.

Позади них шумно открылась дверь, медсёстры с грохотом провезли на каталке девочку лет четырнадцати.

– Наша? – кивнул на неё Дима.

– Да, сегодня в десять утра привезли на скорой. Ничего особенного, аппендицит. Едят же всякую дрянь, потом к нам на стол попадают. Моей хоть и шесть лет, а всё туда же – то сухарики ей купи, то колу. Надо будет как-нибудь привезти её сюда, пусть посмотрит, чем дело может закончиться. Чтоб не повадно было.

Дима улыбнулся и положил руку на плечо коллеги.

– Знаешь, Виталь, езжай домой. К дочке. Я тут сам как-нибудь.

Хирург озадаченно посмотрел на начальника. За последние сутки это был уже третий по счёту такой взгляд в Димин адрес – непонимающий, смешанный с подозрением.

– Дим, ты чего? Суббота же, я дежурный сегодня.

– Да мне всё равно надо тут кое-какие дела поделать.

– Какие дела, Агафонов? Домой иди. Радуйся, что вон, полдня прошло, а у нас всё тихо, мирно, и я тебя ещё не беспокоил. Сам понимаешь, такие моменты – на вес золота.

Дима попытался запротестовать, но Виталик его резко перебил и начать подталкивать к выходу:

– Иди, иди! Хоть ты мне и начальник, это не тот случай, когда я обязан тебе подчиняться. Тем более я знаю, что за операцию вы вчера проводили.

– Откуда?

– Стас звонил с утра, спрашивал за мальчика этого. Всё нормально тут. Отдыхайте.

Спорить с Данченко было бесполезно. Диме повезло, что тот остался в реанимации, поэтому он смог спокойно спуститься в своё отделение. Не обнаружив там ни мамы Никиты, ни Светочки, которая уже давно сдала смену и ушла домой, и.о. заведующего отделением ушёл из больницы и поехал в книжный магазин, за самой большой и красивой энциклопедией о динозаврах.

Ещё ни одному понедельнику Агафонов не радовался так, как этому. Утренний обход, назначения, операции – в больнице всё было как прежде. И эта рабочая рутина принесла долгожданное облегчение – в суете трудового дня Дима совсем не возвращался в мыслях к тому, что произошло в его личной жизни. В конце смены он зашёл в палату к самому сложному пациенту – Никите Селиванову. Мальчика уже перевели из реанимации в отделение хирургии, где теперь ему предстояло проходить долгую реабилитацию. В палате он сейчас был один, матери нигде не было видно. Никита лежал на подушке и угрюмо вертел в руках резиновую фигурку динозавра.

«И этот туда же!» – первое, что подумал про себя Дима.

– Красивый трицератопс, – сказал он вслух.

Никита поднял серые серьёзные глаза на врача и без тени улыбки спросил:

– Спасибо. Вы тоже увлекаетесь динозаврами?

– Я – нет, сын увлекается.

– Правда? Пусть приходит ко мне, я покажу ему свою коллекцию фигурок.

– Эм... Боюсь, он сейчас не сможет. Давай, в другой раз.

– Ладно, – вздохнул мальчик.

– А где твоя мама? Она же должна быть с тобой, в палате.

– Не знаю, сказала, что скоро вернётся. Я с ней не разговариваю.

– Как это? Почему?

– Я на неё злюсь. Я думаю, что папа умер, а она мне не говорит. Вы, кстати, не знаете, это так?

Дима растерялся, разговор с маленьким пациентом принимал слишком неожиданный оборот. И к тому же становился слишком личным, чего в работе Агафонов старался не допускать. Со всеми детьми и родителями он общался только по делу, где-то даже резковато. Но вовсе не из-за внутренней чѐрствости, как иногда думали некоторые, а из профессиональных соображений. Для работы было удобно ни к кому не привязываться, не делить пациентов по обычным человеческим категориям – «хороший», «капризный», «послушный», «недовольный». В этом плане все были для Агафопова одинаковыми, единственное их различие заключалось лишь в поставленном диагнозе и тяжести заболевания. Поэтому сейчас, при разговоре с мальчиком, мужчина чувствовал себя неловко. Да и последний вопрос застал его врасплох. С другой стороны, случай у Никиты действительно самый сложный во всѐм отделении, а учитывая трагические обстоятельства, которые к этому привели, невозможно не выделять его на фоне остальных.

– Я не знаю, – честно ответил хирург, – давай пока займѐмся твоим здоровьем? Как твоѐ самочувствие?

К большой радости Димы, отец Никиты был жив и находился во взрослом отделении хирургии через дорогу. Об этом ему рассказала на следующий день Мария – так звали маму мальчика. Первый раз после их последней встречи, он увидел её утром во вторник. Тогда, на утреннем обходе, им не удалось пообщаться, так как Дима был в окружении остального персонала. Он только обратил внимание, что сейчас женщина выглядела гораздо лучше. Каштановые волосы были собраны в высокий пучок, обнажая изящную смуглую шею. Карие глаза больше не были красными от слѐз, а смотрели с благодарностью на каждого врача и медсестру. Вечером и.о. заведующего отделением, как и накануне, зашѐл в палату к Никите один.

– Ну наконец-то я смогу поговорить с вами с глазу на глаз! – вместо приветствия Мария рывком подскочила с кровати и так энергично направилась в сторону Димы, что он даже испугался, будто она его сейчас обнимет. Но вместо этого женщина схватила его за руку и крепко пожала:

– Спасибо! Спасибо вам от всей нашей семьи! Мы вам до конца жизни будем обязаны.

– Да... Не за что, это моя работа, – растерянно проговорил Дима.

– Нет-нет, даже не думайте отнекиваться! Я знаю, что за операцию вы делали Никите. Ну в смысле, не просто знаю, а знаю, насколько это сложная манипуляция.

«Интересно, откуда? Я же не говорил ей никаких подробностей. Неужели Стас растрезвонил? Вот балабол», – подумал про себя Дима. Он хотел было задать этот вопрос своей соседнице, но не успел, она его перебила:

– Меня, кстати, Маша зовут.

– Да, очень приятно. Агафонов Дмитрий Игоревич.

– Да, это я уже знаю. Ещё хотела бы извиниться перед вами. Я в тот день вообще не в себе была и уснула в вашей ординаторской. Надеюсь, у вас не было с этим проблем? Мне так неловко, простите.

– Нет, всё в порядке, вам заведующий разрешил, – улыбнулся Дима.

– Заведующий? Так это же вы.

– Именно.

Маша рассмеялась звонким и чистым смехом, чем разбудила дремавшего Никиту.

В последующие дни это уже стало традицией – вечером, перед уходом домой, Дима всегда заглядывал к Селивановым. Себя он уверял, что делает это исключительно с целью контроля за состоянием Никиты, и чтобы узнать последние новости в расследовании ДТП. Но в глубине души признавался, что ему просто было приятно общаться с Машей, а её сын в окружении маленьких динозавриков напоминал Сашку.

Пока мальчик уверенно шёл на поправку, Селиванова разрывалась между хирургическими отделениями – большую часть времени она проводила с сыном, с ним же и ночевала, но тем не менее каждый день навещалась к мужу. Между этим ещё успевала давать показания то местному участковому, то следователю, которые теперь приходили почти каждый день. К большому неудовольствию Димы. Во-первых, ему не нравилось, что теперь лечебная палата Селивановых стала похожа на проходной двор, где постоянно присутствуют посторонние, а во-вторых, ему казалось, что все эти допросы проводились лишь для отвода глаз, вместо реального следствия. Виновник ДТП скрылся с места аварии, свидетели не спешили объявляться, а городские камеры видеонаблюдения именно в тот день были сняты для техобслуживания. Всё это возмущало Агафонова до глубины души, в то время как Маша вообще не придавала значения этим обстоятельствам: «Бог им судья, – говорила она, – Главное, что мой муж и сын живы и относительно здоровы, а заниматься вендеттой я не намерена». При этих словах Дима обычно начинал с ней спорить: как минимум с виновного водителя можно затребовать материальную компенсацию, но Маша лишь пожимала плечами в ответ, мол если найдут, тогда и поговорим.

Эти споры, разговоры, любознательные вопросы Никиты стали для Агафонова единственным лучиком света в его тёмных буднях. На работе он отвлекался, думать о личных делах было попросту некогда, но каждый раз с окончанием смены он вспоминал, что дома его никто не ждёт. Несколько раз он собирался позвонить Кате, но передумывал. Нужно было дать ей время. Он был почти уверен, что жена немного отпустит обиду и вернётся. Да и выбора у неё особо не было – через неделю заканчивались каникулы, и Саше нужно было в школу.

Когда к среде первой учебной недели никто не объявился, Дима забеспокоился. Он написал супруге сообщение в мессенджере. К счастью, Катя соизволила дать развёрнутый ответ:

«У нас всё хорошо. Мы уехали. Договорилась, чтобы Саша учился дистанционно. Передаёт тебе привет. Пока!»

После этого мужчина не на шутку разозлился – какого чёрта она вообще творит? Какое ещё дистанционное обучение? А ничего, что он вообще-то отец и эти решения надо обсуждать с ним? И что значит уехали? Куда уехали? Он начал было набирать длинное гневное сообщение, но потом всё стёр, зная, что выяснение отношений по переписке ни к чему хорошему не приведёт. Нужно просто дождаться, когда Катя приедет и спокойно всё обсудить. Приедет же она когда-нибудь?

И всё же, на сердце было беспокойно. Умом он понимал, что Катя наверняка уехала к родителям, в Москву. Да и Сашка давно не виделся с бабушкой и дедушкой. Но в самом деле, не намеревается же она там теперь жить? А если вернётся, то что? Будет жить в отеле? Снимать квартиру? Смешно просто! Других вариантов, куда могла бы податься своенравная супруга, было немного – они дружили с семьёй Виталика Данченко, но конечно же Катя к ним не поедет. Также они тесно общались с семьёй Паши Захарова – Диминого одноклассника и по совместительству лучшего друга. Но Паша только что стал отцом девочек-близняшек, и Дима сам его в последний раз видел пару месяцев назад. У Кати была ещё одна подруга в городе – Оля. Девушка жила одна, и вот у неё жена наверняка могла бы остановиться на какое-то время. К тому же, Дима вспомнил, как Катя сетовала на то, что нескоро увидится с дорогой подругой – та на полгода уезжала в командировку. Наверняка Оля оставила Кате ключи на всякий случай, а значит ничего не мешает им с Сашей пожить какое-то время у неё.

Дима так глубоко ушёл в размышления о том, где может быть жена, что совсем забыл – всего лишь пять минут назад она ясно дала понять, что ни её, ни Саши в городе нет. Впрочем, об этом ему напомнили – телефон начал активно пикивать. Кто-то, не переставая, слал несколько сообщений подряд. Мужчина схватил смартфон и начал читать – то были сообщения от тёщи. Судя по количеству восклицательных знаков, а также по словам, набранным заглавными буквами, человек на том конце провода чуть ли не задыхался от возмущения. Прочитав все душеизлияния Ларисы Степановны, лишь в последнем сообщении Дима увидел главное,

от чего сердце будто оборвалось и улетело куда-то вниз, даже не издав звука приземления. Мужчина убрал телефон и уставился в одну точку перед собой – неужели обида Кати настолько сильная? Неужели это он, человек, который когда-то предложил ей руку и сердце, довёл её до той грани, когда принимаются столь кардинальные решения? Со слов тёщи, жена и сын уже были не в Москве, а за несколько тысяч километров и нескольких часовых поясов от родного дома. Ни один здравый человек не стал бы уезжать так далеко, зная, что через неделю вернётся.

Дима больше ничего не писал супруге и не звонил, слишком был зол на неё. Но желание увидеть Сашку было сильнее. Через пару дней он всё-таки снова написал Кате – попытался максимально спокойно и кратко объяснить ей, что их проблемы не должны касаться сына. На этот раз ответ пришёл лишь через несколько часов и, к большому облегчению Димы, хотя бы в этом их мнения с супругой совпадали:

«И не собиралась препятствовать вашему общению. У него теперь есть свой телефон. Как только настроим интернет, Саша сам с тобой свяжется».

Агафонова немного удивил такой ответ. Когда ты живёшь с круглосуточным доступом в сеть, сложно представить, что где-то это может быть проблемой. Он не стал спрашивать у Кати подробности, решил подождать. А через несколько дней ему и правда написал Саша. Дима, сразу же позвонил по видеосвязи – очень хотелось увидеть сына, да и своими глазами удостовериться, что с ним всё в порядке.

С тех пор в буднях врача стало ещё на одно хорошее событие больше – с Сашей не получалось созваниваться каждый день из-за разницы во времени и работы, но на выходных Дима мог болтать с ним часами. Точнее, не столько болтать, сколько слушать – мальчик взахлёб рассказывал о своей жизни в чужой стране, о впечатлениях и обо всём увиденном. Только каждый их разговор всегда заканчивался вопросом, который ставил Диму в тупик – «Когда ты приедешь к нам, пап?»

Мужчина с грустью осознавал, что приехать он точно не сможет. А Катя, судя по всему, возвращаться тоже не собирается. За все их с Сашкой онлайн-беседы, она даже ни разу не показалась. Агафонова начали одолевать тяжёлые мысли – разлюбила? А может не любила вовсе? Нашла кого-то? Что происходило в когда-то родной душе любимой женщины, оставалось загадкой. С окончанием школьных каникул ситуация ухудшилась ещё по тому, что по городку начал распространяться слух о проблемах в личной жизни местного медицинского авторитета. Дима это понял, когда в один день ему позвонила мама и вместо приветствия сразу выпалила:

– Дима, вы что, расстались с Катей?

Мужчина немного оторопел от такой неожиданности. Он понимал, что рано или поздно у родителей начнутся вопросы о том, где его жена и их внук, но всеми силами старался оттянуть этот момент. Поэтому сейчас прямолинейность матери поставила его в тупик настолько, что он смог лишь выдавить неопределённое:

– Ну...

– Я ещё удивилась так, когда узнала, что они на каникулы в Москву уехали. Не предупредили даже, но думала «ладно уж, там бабушку и дедушку тоже проведать надо». А потом мне Лариса Степановна всё рассказала.

– Мам, ты походу больше меня знаешь. Может ещё что-то поведаешь?

– Я? Нет, это я у тебя хотела спросить, чем ты Катюшу обидел?

«Отлично, – подумал раздражённо Агафонов, – мало того, что я плохой муж, отец, так теперь ещё и плохой сын». Но портить отношения ещё и с матерью совсем не хотелось, поэтому он сделал глубокий вдох и как можно спокойнее сказал:

– Да, немного повздорили. И да, Катя с Сашей уехали. Это наше дело, мы сами во всём разберёмся.

Как выяснилось, информатором Елизаветы Николаевны, мамы Димы, была не только его тёща. Сашины одноклассники быстро узнали, что их школьный товарищ теперь учится дистанционно и тут же рассказали об этом своим родителям дома. Кто-то хотел утром спать подольше, кому-то надоело тащиться через весь город на автобусе в школу, а кого-то просто достали придирки одноклассников. Удалённая учёба решала все эти проблемы. Взрослым пришлось перепроверять эту информацию через учителя, ну а дальше домыслы сделали своё дело и в один день Агафоновой старшей позвонила соседка, чтобы посочувствовать разладу «такой замечательный пары». Елизавета Николаевна попыталась было «вбросить» версию о том, что Катя просто захотела переждать унылый ноябрь вместе с сыном где-то под тропическим солнцем. Но люди её поколения не понимали почему это семья не отдыхает вместе, а мальчик пропускает школу. Общественности нужно было что-то обсуждать, а тут такой повод подвернулся!

До больницы эти сплетни тоже докатились. Диме даже не потребовалось больших усилий, чтобы это понять. Когда через несколько дней после телефонного звонка матери он зашёл в ординаторскую, то оживлённый разговор среди коллег, который он слышал, подходя к двери, резко оборвался. Стас и Виталик тут же уткнулись в бумаги, старшая медсестра поспешила выйти из кабинета, и лишь Светочка смотрела на него большими глазами полными сочувствия. Сначала врач попытался убедить себя, что ему лишь показалось и обсуждали коллеги вовсе не его. Но жизнь снова, как назло, подкинула ему доказательства того, что он всё правильно понял.

После рабочего дня все трое врачей собрались в его кабинете составить график дежурств на декабрь. Пока Дима заполнял форму, Виталик и Стас начали обсуждать тему подарков своим благоверным и планы на январские праздники. Данченко собирался отвезти всю семью загород на несколько дней и просил три выходных, Новиков хотел научить девушку кататься на сноуборде. Младший хирург так увлёкся рассказом о досках, ветре в лицо и адреналине, что, не подумав, ляпнул:

– О, Дима! Не хотите с Катей к нам присоединиться? И Вике будет женская компания.

Дима молча поднял глаза и энергичный толчок Виталика в бок Стаса не остался незамеченным. Хирурги поняли, что пойманы с поличным. Стас, всё ещё потирая бок, виновато протянул:

– Блин, прости....

– Всё нормально, – сухо отрезал Агафонов, – ставлю себя дежурным в новогоднюю ночь. И с 1 по 3 января тоже я буду. Виталик, вернёшься к этому времени?

Все эти взгляды, слухи, догадки, не имеющие ничего общего с реальным положением дел, очень бесили Диму. Позднее какой только ерунды он не понаслушался – и что он избил Катю, и что их семья давно на грани развода, и что Саша не его сын, и Катя уехала к своему любовнику, и что он вообще пил не просыхая, чего Катя не выдержала и ушла.

Последнее конечно было полнейшей глупостью. Все, кто знал Диму лично, были в курсе, что он не пьёт ни капли спиртного. Хотя в последнее время как раз и хотелось чего-нибудь выпить, да покрепче. Но Агафонов считал, что для хирурга это непозволительная роскошь. На вызов могут позвать в любой момент, да и не дай Бог начнут руки подрагивать. Поэтому все подаренные бутылки с дорогим коньяком либо пылились на кухонных полках без дела, либо передавались знакомым. Ещё больше хотелось курить. Этим он баловался в студенчестве, но потом бросил, понимая, что оперирующий врач не может бегать в курилку каждый час.

Чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых мыслей и нехороших желаний, мужчина начал бегать. Тоже от злости. Когда в очередную бессонную ночь часы показали пять утра, он просто надел кроссовки, утеплённый спортивный костюм, и побежал. После такого спонтанного забега спать Дима уже не ложился. Проведя кое-как сутки без сна (хорошо, что снова выпал выходной без экстренных вызовов), в десять вечера Агафонов лёг в постель и моментально попал в крепкие объятия Морфея, а утром проснулся раньше, чем прозвенел будиль-

ник. Ему настолько понравилось это непривычное ощущение бодрости, что с того дня утренняя пробежка стала неотъемлемым ритуалом. Вечером, если он не сильно задерживался на работе, он тоже старался сделать несколько кругов на стадионе. Он никогда не понимал людей, которые бегают в холод, закутавшись так, что видны были одни глаза. А теперь и сам стал таким. По началу его забеги были небольшими, по три-четыре километра, потом дистанции увеличились до шести-восьми километров. Дима бегал с таким упорством, что его силе воли позавидовал бы любой марафонец. Только вот на медали и призовые места мужчина совсем не претендовал. Его единственной целью на забегах было довести себя до определённого состояния усталости, потому что только так он мог по ночам спать. Придя домой после активной физической нагрузки с утра, стрессового трудового дня, да ещё и короткой вечерней пробежки, сил хватало как раз ровно на то, чтобы принять душ, съесть незатейливый холостяцкий ужин и лечь в постель. Так и в течение дня не было времени думать о своей семейной жизни, и ночью усталость брала верх и получалось заснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.